

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/349506549>

'Development of the methodology for comparative studies of capitalism', in: Transformation of economic models in the countries of the post-socialist world / 'Развитие методологии к...

Chapter · December 2020

CITATIONS

0

READS

86

2 authors, including:

[Mikhail Lobanov](#)

Russian Academy of Sciences

107 PUBLICATIONS 301 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ КОМПАРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАПИТАЛИЗМА

Истоки теории компаративного капитализма

Вплоть до конца 1980 – начала 1990-х годов исследования внутренних особенностей капиталистической системы были единичны и фрагментарны, а основное внимание уделялось анализу *проблем функционирования капитализма и социализма*, и в том числе, поиску теоретических обоснований превосходства одной системы над другой. В рамках сравнительной политической экономии (равно как и в других гуманитарных науках) господствовали универсалистские подходы, которые зачастую использовались как идеологический инструмент в глобальной борьбе за сферы влияния с прицелом на «неприсоединившиеся страны». В качестве примеров можно привести разработанные на Западе концепции прорывного развития экономически слаборазвитых государств (мирохозяйственной периферии) за счет адаптации капиталистических институтов – *теории модернизации* (девелопментализм, 1950–1960-е годы), *стадий экономического роста*⁵, *догоняющего развития*⁶. Всемирную поддержку со

-
5. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A non-communist manifesto. Cambridge University Press, 1960.
 6. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries // Journal of Developing Economies. No. 1, 1962. P. 3-25.

стороны международных организаций и политических элит стран Запада получили идеи о борьбе с социально-экономическим неравенством как аномалией рынка, а главное — тезис об отсутствии альтернативы либеральному капитализму как *конечной стадии общественно-экономической эволюции*. Популярность такого подхода росла по мере нарастания противоречий в социалистической системе, а периодом его кульминации можно считать первые годы после краха реального социализма⁷.

Вопросы различий между капитализмом и социализмом, а также анализ причин и следствий цикличности капиталистического развития широко представлены в работах западных ученых-неомарксистов. В рамках критического осмысления теории модернизации в 1960–1970-е годы распространение получили концепции *зависимого развития* и *неоимпериализма*, в основе которых лежало утверждение о контролируемом перераспределении ресурсов и капитала в пользу мирохозяйственного Центра, приводящего к усилению диспропорций между развитыми и развивающимися странами. Именно в этот период представителями различных экономических течений были сделаны первые попытки обосновать существование так называемого «*зависимого капитализма*» (*dependent capitalism*), ставшего вновь объектом научного интереса лишь несколько десятилетий спустя⁸.

Последователи неомарксизма в своих работах оперировали понятиями прибавочной стоимости и неравномерности развития в его разных измерениях и, отталкиваясь от предположения о сущностной неустойчивости капиталистической системы, исследовали причинно-следственные связи кризисов избыточного накопления капитала. Одним из направлений их научной деятельности был поиск факторов, влияющих на задержку распространения этих кризисов и быстрое пост-

7. См., например: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*, New York: Free Press, 1992.

8. *Frank A.G. Capitalism and underdevelopment in Latin America*. New York: NYU Press, 1967; *Evans P.B. Dependent development: the alliance of multinational, state, and local capital in Brazil*. Princeton University Press, 1979.

кризисное восстановление рыночных отношений, в числе которых важная роль отводилась так называемому «про-странственному закреплению» капитала⁹.

Большинство исследователей считают первой работой о внутренней дифференциации капиталистических отношений книгу британского экономиста Э. Шонфилда «Современный капитализм», вышедшую в свет в 1965 г.¹⁰ Автор исследует различия между формами капитализма, отталкиваясь от уровня государственного вмешательства в экономику, и в целом положительно оценивает опыт регулирования деятельности частных фирм в отдельных странах послевоенной Европы. Книга стала первой в ряду публикаций, посвященных аспектам модернизации развитых экономик (так называемый «модернизационный подход») и поиску оптимальных сочетаний институтов модернизации и традиционных практик хозяйствования, ориентированных на поддержание высоких темпов роста. Кроме того, Э. Шонфилд изучает институциональную среду, позволяющую государству координировать деятельность частного сектора, что позволило его последователям дифференцировать сильные и слабые капиталистические страны; в числе первых обычно называли Францию и Японию, вторых – Великобританию¹¹.

Проблема инфляционного давления, обострившаяся в развитых странах Запада в 1970-е годы, привела к появлению нового подхода в рамках компаративного капитализма – «неокорпоративного». В рамках данного подхода сопоставляются возможности государственных органов договариваться об условиях труда и заработных платах с рабочим классом. Таким образом, одним из критериев дифференциации выступает национальная специфика организации профсоюзных

9. Harvey D. The spatial fix – Hegel, von Thunen, and Marx // *Antipode*. No. 13 (3), 1981. P. 1–12; Massey D. *Spatial divisions of labour: social structures and the geography of production*. London: Macmillan Press, 1995.

10. Shonfield A. *Modern Capitalism*. New York: Oxford University Press, 1965.

11. Katzenstein P.J. *Between power and plenty: Foreign economic policies of advanced industrial states*. Madison: University of Wisconsin Press, 1977.

движений¹². Наиболее успешным в этой связи авторы называют опыт стран Северной Европы.

В дальнейшем фокус внимания исследователей сместился на особенности *меж- и внутрифирменных взаимодействий*, а также экономического поведения предприятий, что повлияло на разработку базовых положений теории «разновидностей капитализма» в начале 2000-х годов¹³. Изменение стратегий фирм (в том числе переход от массового стандартизированного производства к гибким формам его организации, упор на модернизацию технологий, внедрение механизмов сокращения издержек и пр.) выступало одним из проявлений смены фордистского способа организации производства *постфордизмом (тойотизмом)* в 1970–1980-е годы. Объяснения новым процессам пытались найти в рамках исследовательских программ ряда научных школ, среди которых следует выделить итальянскую (новые «ремесленные» промышленные районы Дж. Бекаттини) и гибкой специализации труда (американские экономисты М. Пьор и Ч. Сабель), изучавшие региональную специфику постфордистских отношений на примере «третьей Италии», а также калифорнийскую школу (роль сетевой организации и локальных рынков труда; А. Скотт)¹⁴.

Указанные исследовательские направления (в особенности калифорнийская школа) испытали влияние французской школы регулирования (1970–1980-е годы), крупнейшими представителями которой являлись М. Альетта, А. Липиц и Р. Буайе. *Теория регуляции (regulation theory)* ставит под сомнение существование «одного, лучшего, варианта капитализма», а различия в формах экономической организа-

-
12. *Lehmbruch G., Schmitter P.C.* (eds). Trends toward corporatist intermediation. Beverly Hills: Sage Publications, 1979.
 13. Подробнее см.: *Hall P., Soskice D.* (eds). Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.
 14. *Becattini G.* (ed.). Mercato e forze locali: il distretto industriale. Bologna: il Mulino, 1987; *Piore M.J., Sabel C.F.* The Second Industrial Divide: Conditions for Prosperity, 1984; *Scott A.J.* New industrial spaces: Flexible production organization and regional development in North America and Western Europe. Vol. 3. London: Pion Ltd, 1988.

ции объясняет сочетаниями социальных институтов¹⁵. Под регулированием понимается комбинация норм и практик, обеспечивающих устойчивое развитие капиталистической системы на определенном этапе ее развития. Периоды стабильности («режимы аккумуляции») неизбежно оканчиваются кризисом, после которого возникают новые «типы социального регулирования». В качестве одного из примеров таких общественно-экономических трансформаций рассматривалось распространение принципов постфордизма.

К числу знаковых научных работ в рассматриваемой сфере относится книга французского экономиста М. Альбера «Капитализм против капитализма» (1993), в которой он описывает различия двух моделей капиталистических отношений — «рейнской» и «неоамериканской» / «англосаксонской»¹⁶. Характерный для Германии «рейнский капитализм» (Rhine capitalism) базируется на принципах общественной солидарности и предполагает активную деятельность государства как регулятора экономических отношений, в том числе направленную на снижение дифференциации в уровне благосостояния граждан и повышение их социальной защищенности. Неоамериканская модель, напротив, основана на принципах свободного рынка и примата индивидуального над общественным, что вместе с другими факторами ведет к расслоению общества по доходам¹⁷. Сравнивая обе модели, Альбер недвусмысленно отдает предпочтение «рейнской», называя ее более эффективной с экономической точки зрения и более справедливой — с социальной. Отметим, что, по мнению автора, такая система капиталистических отношений действует не только в Германии, но и в Швеции, Швейцарии,

15. Boyer R. The regulation school: a critical introduction. Columbia University Press, 1990; Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.

16. Albert M. Capitalism against capitalism. London: Whurr, 1993.

17. Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 3, 2018. С. 9–24.

Нидерландах и Японии, тогда как англо-саксонская – в США и (с некоторыми исключениями) Великобритании.

Признавая влияние упомянутых выше научных школ на формирование собственной системы координат, разработчики теории «разновидностей капитализма» все же относят VoC-подход к числу некорпоративных концепций с той лишь оговоркой, что они делают акцент не на значении профсоюзных движений, а на особой роли внутренней организации фирм и их взаимодействии с другими акторами. Кроме того, их интересуют прежде всего процессы, происходящие на национальном, а не на региональном уровне¹⁸. Оригинальная методология микроэкономического анализа также опирается на ряд работ по экономической компаративистике. Так, известное положение об институциональной комплементарности (см. ниже) правомерно соотносить с результатами институционального анализа японского и англо-американского типов корпоративного управления, представленного в работах японского экономиста М. Аоки¹⁹. Наконец, существует определенное соответствие критериев выделения типов капитализма в рамках VoC-подхода и видов так называемых *бизнес-систем*, предложенных несколькими годами ранее английским экономистом Р. Уитли²⁰. По его мнению, различия между бизнес-системами формируются под влиянием изменений во внутренней структуре фирм, которая, в свою очередь, испытывает влияние общественных институтов. Опираясь на эмпирические данные, Уитли утверждает о существовании, как минимум, шести ведущих бизнес-систем: китайской, японской, южнокорей-

18. Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. In: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

19. Сопоставляя характеристики меж- и внутрифирменного взаимодействия, включая культуру трудовых отношений, Аоки указывает на расхождения между организацией корпоративных систем в Японии и в странах условного Запада (J- и W-system) (Aoki M. The Japanese firm as a system of attributes: a survey and research agenda. In: The Japanese firm: Sources of competitive strength. Oxford: Oxford University Press, 1994).

20. Whitley R. Divergent capitalisms: The social structuring and change of business systems. New York: Oxford University Press, 1999.

ской, итальянской, немецкой и американской. При этом, очевидно, что значительное число типов капиталистических отношений данной типологией не охвачено, а к недостаткам методики ее составления относится избирательность и неопределенность в отношении числа таксономических единиц.

Бинарная теория «разновидностей капитализма»

Абсолютное большинство современных работ, посвященных дифференциации капиталистических отношений, в той или иной мере выступает модификацией подхода, который в 2001 г. предложили канадский и британский экономисты П. Холл и Д. Соскис в книге «Разновидности капитализма»²¹. Книга является коллективным трудом шестнадцати ученых, которые в 1990-е годы разрабатывали данную проблематику в рамках совместного проекта Центра европейских исследований при Гарвардском университете и Научного центра социальных исследований в Берлине. Основной вклад этого исследования в сравнительную политическую экономию — обоснование понятия *институциональной комплементарности и выделение двух типов капитализма (либеральной и координируемой рыночной экономики)*. В основе их выделения лежит представление о существенных различиях в механизмах меж- и внутрифирменной координации, сформировавшихся с течением времени в странах с ЛРЭ и КРЭ, и о взаимодополнении институтов, присущих обоим типам.

В предисловии Холл и Соскис отмечают, что ставят перед собой задачу расширить спектр институционального анализа в сравнительной политической экономике за счет меж- и внутрифирменных отношений и выйти за пределы «модернизационного» и «неокорпоративного» подходов, а также постфордистских принципов экономического поведения фирмы (см. выше). По мнению ученых, теория срав-

21. Hall P., Soskice D. (eds.) Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

нительных преимуществ должна в большей мере опираться на анализ институциональной среды. Деятельность предприятий и функционирование институтов взаимосвязаны: корпоративные стратегии видоизменяются, чтобы использовать преимущества существующей институциональной среды, а формальные институты определяют характеристики взаимодействия фирм с другими участниками экономических отношений. Авторы исследуют практику взаимного развития и взаимного влияния институтов, которые отвечают за формирование различных типов капитализма. Кроме того, они ставят под сомнение тезис о том, что с развитием глобальных интеграционных процессов будет происходить институциональная конвергенция, т.е. унификация различных моделей социально-экономических отношений.

Холл и Соскис формулируют несколько ключевых положений теории «разновидностей капитализма»²².

1. *Фирмы как основополагающие элементы капиталистических отношений.* Анализ должен включать пять аспектов их деятельности: трудовые отношения (переговорный потенциал фирм — с занятыми и профсоюзами относительно условий труда и заработной платы); профессиональная подготовка и обучение (способность поддерживать необходимую квалификацию рабочей силы); специфика взаимоотношений в коллективе; корпоративное управление; межфирменные отношения (с поставщиками и потребителями, а также прочими организациями).

2. *Либеральные рыночные экономики (liberal market economies, LMEs) и координируемые рыночные экономики (coordinated market economies, CMEs) как идеальные модели капитализма.* Авторы подчеркивают, что в действительности каждая из национальных капиталистических систем тяготеет к одной из этих двух моделей. В либеральной рыночной экономике (ЛРЭ) координация деятельности фирм происходит

22. Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. In: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

в условиях конкурентных рынков с помощью рыночных контрактов, однако Холл и Соскис отмечают, что в реальности они не могут быть полностью независимыми от влияния нерыночных сил. Координируемые рыночные экономики (КРЭ) характеризуются преобладанием этих «нерыночных» механизмов: вспомогательной ролью официальных контрактов, сетевой организацией фирм для обмена информацией, вмешательством в деятельность компаний сторонних акторов. Таким образом, в ЛРЭ на поведение фирм влияет стремление системы к рыночному равновесию, а в КРЭ – стратегическое взаимодействие между фирмами и другими субъектами экономической деятельности. Холл и Соскис в отличие от М. Альбера не стремятся обнаружить превосходство одной системы над другой, высоко оценивая долгосрочную экономическую эффективность как одного, так и другого типа капитализма.

3. *Учет формальных и неформальных институтов.* Основными институтами, определяющими характер функционирования фирм, по мнению авторов, выступают нормативно-правовые системы, бизнес-ассоциации, профсоюзные движения и т.д. Однако в отличие от большинства более ранних работ о компаративном капитализме VoC-подход предполагает анализ неформальных институтов для объяснения существующих различий в капиталистических отношениях, в том числе культурно-исторических.

4. *Контроль фирм над координирующими их деятельность институтами является ограниченным.* Авторы подвергают сомнению тезис о «конструировании» различных институциональных форм (рынков, сетей, иерархий) фирмами, преследующими собственные стратегические цели: коллективные / общесистемные институты не может создать ни одна конкретная фирма, ни группа фирм – вероятность согласования интересов всех акторов (предприятий, государства, профсоюзов и пр.) крайне низка.

5. *Институциональная комплементарность (institutional complementarity).* Комплементарность (взаимо-

дополнение) двух институтов возникает, когда в случае их сосуществования один повышает эффективность другого — возникает эффект взаимного усиления²³. Следовательно, страны, обладающие определенным набором институтов в одной из сфер экономики, должны стремиться развивать комплементарные им нормы и практики в других сферах. Вероятность успеха любой экономической реформы будет выше, если преобразования будут затрагивать все комплементарные институты, а не только некоторые из них. Каждый из двух типов капитализма обладает так называемыми сравнительными институциональными преимуществами, обусловленными специфическим сочетанием комплементарных институтов.

Для подтверждения собственных выводов авторы подробно анализируют два классических, по их мнению, примера ЛРЭ и КРЭ — США и Германию. Выбор был обусловлен высоким уровнем зрелости капиталистических отношений в этих странах и мерой их изученности. При этом Холл и Соскис подчеркивают, что VoC-подход универсален и пригоден для анализа экономик с развивающимися рынками. Тем не менее географические рамки собственного прикладного анализа авторы ограничивают странами ОЭСР: шесть из них относят к ЛРЭ (США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия), десять — к КРЭ (Германия, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Япония), а еще шесть — к особому, третьему, типу, который Холл и Соскис определяют, как *Средиземноморский (Mediterranean market economies*; Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция, Турция). Характерной особенностью последнего является сочетание относительно либеральных порядков в системе

23. Одними из первых исследований комплементарности институтов в политической экономике являются статьи М. Аоки (*Aoki M. The Japanese firm as a system of attributes: a survey and research agenda. In: The Japanese firm: Sources of competitive strength. Oxford: Oxford University Press, 1994*).

трудовых отношений с нерыночными механизмами координации в сфере корпоративных финансов²⁴.

В течение нескольких лет после выхода в свет книги под редакцией Холла и Соскиса бинарная теория «разновидностей капитализма» развивалась в опоре на количественные методы исследования. В 2009 г. в статье П. Холла и Д. Джинджерича была предпринята одна из первых попыток доказать ее постулаты с помощью эконометрических моделей²⁵. Авторы исходят из предположения, что ключевым принципом дифференциации капиталистических отношений выступает характер межфирменной координации. Фирмы взаимодействуют с другими субъектами с целью регулирования трудовых отношений, обеспечения необходимого уровня квалификации сотрудников, доступа к технологиям и финансированию, улучшения конкурентных позиций на рынке. Холл и Джинджерич выдвигают гипотезу, согласно которой факторный анализ подтвердит эмпирические выводы, — т.е. позволит разделить развитые страны на ЛРЭ и КРЭ, характеризующиеся, соответственно, «рыночной» и «стратегической» координацией²⁶.

-
24. В качестве альтернативного подхода к выделению разновидностей капитализма в странах ОЭСР можно привести пример исследования французского экономиста Б. Амабля, который, опираясь на теории регуляции и эндогенного роста, в 2003 г. дифференцировал пять моделей капитализма. По его мнению, они различаются как по экономическим (рыночная конкуренция, корпоративное управление и финансовая система), так и по социальным характеристикам (уровень социальной защиты, институты рынка труда и образовательной системы). В качестве аналога ЛРЭ он рассматривает так называемую рыночную модель (США, Канада, Австралия, Великобритания) и выделяет также модель континентальной Европы (Германия, Австрия, Франция, Нидерланды, Бельгия), социально-демократическую (Дания, Финляндия, Швеция), средиземноморскую (Испания, Италия, Греция, Португалия) и азиатскую модели (Япония, Республика Корея). Несмотря на очевидную географичность типологии, Амабль полагает, что этнокультурные особенности выступают малозначимым фактором дивергенции капиталистических отношений (*Amable B. The Diversity of Modern Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2003*).
25. Hall P.A., Gingerich D.W. Varieties of capitalism and institutional complementarities in the political economy: An empirical analysis // *British Journal of Political Science*. No. 39(3), 2009. P. 449–482.
26. Расчеты базируются на показателях 17 стран (в список возможных КРЭ по сравнению с работой Холла и Соскиса от 2001 г. добавлена Республика Корея). При этом используемые данные ОЭСР относятся к 1990–1995 гг. (статья опубликована в 2009 г.), что дает основания ставить вопрос об актуальности и соответствии результатов анализа современным реалиям.

Авторы учитывают следующие показатели: правовой статус миноритарных акционеров по сравнению с мажоритарными, распределение акционерного капитала (доля фирм, в которых ни один из акционеров не контролирует более 10% капитала), размер фондового рынка (биржевой оборот к ВВП), степень мобильности рабочей силы (доля занятых с определенным стажем менее года в общей структуре занятости), уровень координации действий работодателей и профсоюзов в сфере оплаты труда (по оценке ОЭСР)²⁷. Первые три характеризуют институциональные различия в сфере корпоративного управления, остальные – в сфере трудовых отношений. Согласно Холлу и Джинджеричу, результаты расчетов подтверждают существование двух типов капитализма и основанное на качественном сравнении распределение стран. Примечательно, что «идеальному» стандарту ЛРЭ с некоторыми оговорками соответствуют США и Великобритания, тогда как остальные четыре представителя этой группы сочетают механизмы «рыночной» и «стратегической» координации в области корпоративного управления. Авторы оставляют открытым вопрос о существовании третьего («Средиземноморского») типа капитализма: хотя уровень «стратегической» координации в странах Южной Европы выше, чем у ЛРЭ, в сфере трудовых отношений он заметно уступает КРЭ.

27. В отличие от первых этапов развития компаративного капитализма (в частности, в период доминирования неокорпоративного подхода) на формирование разновидностей капиталистических отношений в сфере условий труда все в меньшей степени оказывают влияние профсоюзные движения. Так, средняя по странам ОЭСР доля работников, являющихся членами профсоюзов, снизилась с 1980-х годов с 50 до 18%. В США и Японии этот показатель снижается с середины XX в. (с 30 до 10 и 17% соответственно), в Великобритании – с начала 1980-х годов, в том числе в результате политики «тэтчеризма» (с 53 до 23%), в Германии и Канаде – с начала 1990-х годов. Помимо развития институциональной среды, позволяющей оперативно реагировать на меняющиеся потребности занятых, важнейшую роль в снижении популярности профсоюзов сыграли смена технологических укладов и процесс тертиаризации (деконцентрация производства и трудовых ресурсов, дистанционная занятость в сфере услуг и т.п.). Вместе с тем, в качестве новой, более эффективной, формы регулирования условий труда и организации трудящихся все чаще выступают сообщества в социальных сетях, получившие образное название «цифровое рабочее движение» (Workers of the world, log on! // The Economist. November 17, 2018).

Другой задачей исследования Холла и Джинджерича является дифференциация типов капитализма не только по характеристикам корпоративного управления и трудовых отношений, но и по другим институциональным факторам. Таким образом, первоначальный перечень из пяти показателей был расширен: уровень социальной защиты трудящихся (от увольнений) и безработных, степень государственного регулирования товарных рынков, наличие государственных программ дополнительной профессиональной подготовки, отношение среднегодового числа сделок по слиянию и поглощению к численности населения страны (в качестве показателя межфирменного взаимодействия), уровень различий в оплате труда руководящего звена и рядовых сотрудников промышленных предприятий, средний срок занятости в одной и той же компании, а также агрегированный показатель стремления фирм к взаимодействию, предложенный А. Хиксом и Л. Кенворти²⁸. Авторы делают вывод: рассчитанные ими коэффициенты корреляции убедительно подтверждают постулаты VoC-подхода — существование межнациональной дифференциации национальных моделей, обусловленных совместным действием механизмов «рыночной» и «стратегической» координации.

Кроме того, исследователи с помощью расчетов показывают, что вне зависимости от типа капиталистических отношений экономический рост выше, если координация деятельности фирм происходит как в сфере корпоративного управления, так и в сфере трудовых отношений. Таким образом, реформы, направленные на повышение или снижение степени регулирования рынка труда, для достижения максимального экономического эффекта должны сочетаться с соответствующей практикой в регулировании финансовых рынков. Авторы полагают, что основная цель написания работы в целом достигнута: при помощи эконометрического анализа было показано, что различия между двумя типами капита-

28. Hicks A., Kenworthy L. Cooperation and Political Economic Performance in Affluent Democratic Capitalism // *American Journal of Sociology*. No. 103, 1998. P. 1631–72.

лизма сохранялись на протяжении 1980–2000-х годов, а влияние фактора глобализации на их возможную конвергенцию остается ограниченным. Впрочем, данный вывод выглядит весьма спорным в свете выбранного для моделирования периода времени (см. выше) и ограниченности имеющихся частных показателей деятельности фирм для анализа общих принципов хозяйственной организации.

Трансформация VoC-подхода под влиянием финансово-экономического кризиса

Теория «разновидностей капитализма» существенно повлияла на развитие сравнительной политической экономики и продолжает оставаться предметом острых дискуссий в научном сообществе. Примечательно, что усилия последователей VoC-подхода, и в первую очередь его основоположника П. Холла, направлены на адаптацию ключевых положений к меняющимся условиям эволюции мирового хозяйства, что придает теории «разновидностей капитализма» определенную методологическую гибкость. Так, с середины 2010-х годов П. Холл изучает влияние последствий экономического кризиса на формирование различных типов капитализма, а также пытается объяснить рецессию с помощью понятийного аппарата VoC-подхода. При этом он делает попытки инкорпорировать в собственные исследования результаты других авторов, выделяющих типы капитализма на основании различий форм трансграничной интеграции и участия в международном разделении труда.

Роль кризиса в модернизации VoC-подхода П. Холл видит в стремлении ученых в большей мере учитывать различные режимы экономической политики и ориентироваться на анализ моделей посткризисного роста, с чем и связано повышенное внимание к регионам Центрально-Восточной и Южной Европы²⁹. В связи с кризисом были рассмотрены

29. Hall P.A. Varieties of capitalism in light of the euro crisis // Journal of European Public Policy. No. 25(1), 2018. P. 7–30.

вопросы развития трудовых отношений в различных странах ЕС, а также влияния макроэкономических моделей на организацию предпринимательской деятельности (прежде всего направленную на экспорт)³⁰. Выяснилось, что различные макроэкономические инструменты могут не только взаимно дополнять, но и в некоторых случаях заменять друг друга. Кроме того, рецессия внесла коррективы в интерпретацию роли политических институтов в обособлении типов капитализма, поставив их в один ряд с экономическими институтами. Автор полагает, что именно методология теории «разновидностей капитализма» позволяет объяснить причины различной реакции стран на проявления долгового кризиса в Европе (в отличие, например, от теории оптимальных валютных зон, практическим проявлением которой является еврозона).

В отличие от работ начала 2000-х годов П. Холл переходит от предположений о существовании третьего типа капитализма к полноправному выделению его в качестве отдельной разновидности. При этом капиталистические отношения в государствах с формирующимися рынками вновь находятся вне исследовательского поля автора. Характерно, что теперь к основным критериям известной типологии добавляется еще один — уровень вовлеченности стран во внешнеторговую деятельность и связанный с этим режим посткризисного восстановления³¹. Однако вместо анализа группы показате-

30. *Hancké B.* Unions, Central Banks, and EMU: Labour Market Institutions and Monetary Integration in Europe. Oxford: Oxford University Press, 2013; *Johnston A., Hancké B., Pant S.* Comparative institutional advantage in the European sovereign debt crisis // *Comparative Political Studies*. No. 47 (13), 2016. P. 1771–1800; *Iversen T., Soskice D., Hope A.* The Eurozone and political economic institutions // *Annual Review of Political Science*. No. 19 (1), 2016. P. 163–185; *Baccaro L., Pontusson J.* Rethinking comparative political economy: the growth model perspective // *Politics & Society*. No. 44 (2), 2016. P. 175–207.

31. В перспективе, как отмечает П. Холл, разработчикам VoC-подхода следует обратить внимание и на такие критические замечания, как, например, недоучет процессов структурной трансформации развитых экономик (повышения доли сферы услуг, или так называемой тертиаризации; роста конкурентоспособности наукоемких отраслей и т.п.) и невнимание к различиям между государствами в отношении распределения доходов и следования принципам социальной справедливости.

лей, характеризующих внешнеэкономическую открытость и вклад торговли и иностранных инвестиций в экономический рост, П. Холл ограничивается одним показателем — отношением объема экспорта к ВВП³².

В результате он выделяет два подтипа в группе либеральных рыночных экономик: страны, ориентированные на внутренний спрос (*demand-led LMEs*; США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия), и страны, развивающиеся за счет экспорта (*export-led LMEs*; Польша, Венгрия, Чешская Республика, Словения, Эстония, Латвия, Ирландия). При этом внутренняя дифференциация координируемых рыночных экономик проводится по географическому принципу: северные (*Nordic SMEs*; Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания) и континентальные (*Continental SMEs*; Германия, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия). Состав третьей группы — средиземноморских рыночных экономик — остается неизменным с начала 2000-х годов (*Mediterranean market economies*; Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция)³³. Как видим, выборка стран для типологии расширилась за счет государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Балтии, которые в результате вступления в ЕС формально завершили переход от плановой экономики к рыночной.

В описании каждого типа капитализма П. Холл широко использует терминологию других ученых, критически переосмысливших VoC-подход в 2000–2010-е годы (в первую очередь исследовавших практики хозяйствования в постсоциалистических странах). К примеру, вслед за Д. Боле и Б. Грешковичем он предлагает различать «встроенный (компромиссный) неолиберализм» Вишеградской группы и «неолиберализм» стран Балтии, а для стран ЦВЕ в целом считает важным вывод А. Нелке и А. Флигентхарта о зависимости их

32. В дальнейшем он справедливости ради приводит данные об удельном весе расходов домохозяйств и чистого экспорта в структуре ВВП по расходам, но только для небольшой выборки стран.

33. Hall P.A. Varieties of capitalism in light of the euro crisis // Journal of European Public Policy. No. 25(1), 2018. P. 7–30.

экономического роста от притока прямых иностранных инвестиций в экспортоориентированные отрасли³⁴. Холл полагает, что данные страны являются типичными ЛРЭ: координация деятельности фирм осуществляется на конкурентных рынках, а для поддержания роста за счет экспорта сохраняется низкий уровень корпоративных налогов и, соответственно, социальных расходов. Влияние кризиса на них оказалось кратковременным, поскольку с восстановлением внешнего спроса на рынках ведущих торговых государств-партнеров стабильный экономический рост в странах ЦВЕ возобновился. Способность противостоять негативным последствиям кризиса у государств региона появилась во многом благодаря формированию в переходный период особых характеристик политических систем, обуславливающих и экономическую устойчивость к внешним шокам³⁵. Более того, существующие институты могут повлиять на появление таких сравнительных преимуществ, которые позволят странам ЦВЕ вытеснить из глобальных производственных цепочек, например, государства Южной Европы.

Северные КРЭ традиционно выбирают модель роста, опирающуюся на экспорт, при этом развивая конкурентные преимущества для производства высоко- и среднетехнологичной продукции. Данные преимущества являются результатом координации действий производителей в отношении оплаты труда, сдерживающих таким образом рост трудовых издержек экспортных фирм, а также повышения уровня квалификации занятых, что предопределяет рост инновационной активности³⁶.

Средиземноморские рыночные экономики (Холл и ряд других исследователей также называют их «смешанными» —

34. *Bohle D., Greskovits B. Capitalist Diversity on Europe's Periphery. Ithaca: Cornell University Press, 2012; Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the varieties of capitalism: The emergence of dependent market economies in East Central Europe // World politics. No. 61 (4), 2009. P. 670–702.*

35. См. также: *Bohle D., Greskovits B. Capitalist Diversity on Europe's Periphery. Ithaca: Cornell University Press, 2012.*

36. *Hancké B. Unions, Central Banks, and EMU: Labour Market Institutions and Monetary Integration in Europe. Oxford: Oxford University Press, 2013.*

mixed market economies) отличаются значительным вовлечением государства в хозяйственные отношения, а также взаимным влиянием и пересечением интересов частного предпринимательства с интересами управленческого аппарата. Потенциал стратегической координации экономических субъектов в отношении заработных плат в этих странах ограничен (даже традиционно влиятельные профсоюзы редко действуют сообща), что не позволяет им, наравне с северными КРЭ, использовать преимущества модели роста, базирующейся на экспорте. Аналогичное сопоставление возможностей стран Северной и Южной Европы в развитии профессиональных квалификаций занятых в экономике также будет не в пользу последних. В связи с вышеперечисленным средиземноморские рыночные экономики вынуждены опираться в своем развитии на характеристики внутреннего спроса³⁷.

Экономический кризис выявил проблемные точки стратегии роста смешанных экономик Южной Европы в условиях их участия в еврозоне. Они традиционно характеризуются активной экономической политикой, а связанный с этим повышенный уровень государственных расходов разгоняет инфляцию, что негативно отражается на стоимости их экспорта. При этом до присоединения этих стран к Европейской валютной системе (ЕВС) они пользовались инструментами валютной девальвации для повышения ценовой конкурентоспособности экспорта и улучшения таким

37. В работе О. Молина и М. Роудс феномен смешанных рыночных экономик (*mixed market economies*) исследуется на примере Италии и Испании. Если в ЛРЭ и КРЭ преобладают соответственно рыночные и нерыночные механизмы координации, то в рассматриваемых странах они формируют различные комбинации. В этой связи уровень институциональной комплементарности очень низок, поэтому государство вынуждено активнее участвовать в процессах регулирования и устранения возникающих противоречий. Авторы указывают на сосуществование в странах Южной Европы двух разнонаправленных трендов – «рыночной колонизации» (распространение рыночных механизмов координации) и «автономной координации» (развитие ведущими игроками новых видов нерыночной координации) (*Molina O., Rhodes M. The political economy of adjustment in mixed market economies: A study of Spain and Italy. In: Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions and Complementarities in the European Economy; Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 223–252.*

образом показателей внешнеторговой сбалансированности. В период кризиса именно отсутствие у рассматриваемых стран суверенитета в осуществлении монетарной политики, по мнению Холла, и привело к более тяжелым его последствиям³⁸. Координируемые рыночные экономики, напротив, скорее выигрывают от участия в валютном союзе: эффективность основанной на экспорте модели роста повышается по мере ухудшения положения экспортеров в южноевропейских странах-конкурентах, также являющихся членами еврозоны.

Включение в исследования компаративного капитализма стран других континентов

Даже самые первые исследования в рамках компаративного капитализма были глобальными по пространственному охвату, однако они затрагивали лишь несколько развитых стран из разных макрорегионов мира. В период активного роста интереса к проблематике выделения национальных форм капитализма в конце 1990–2000-х годов ученые стали изучать особенности формирующихся рынков с их дифференциацией по территориальному принципу (страны ЦВЕ, Восточной Азии, Латинской Америки и т.д.) и сопоставлением с классическими разновидностями капитализма государств – членов ОЭСР. При этом в наибольшей степени изучены особенности развития капиталистических отношений в крупнейших развивающихся экономиках мира, в первую очередь опыт построения так называемого государственного капитализма в Китае.

Исследование капиталистических отношений в странах Азии (в особенности в Японии и Китае) относится к числу наиболее распространенных направлений развития современного компаративного капитализма. Теоретические основы VoC-подхода были сформированы под влиянием работ начала

38. Hall P.A. Varieties of Capitalism and the Euro Crisis // West European Politics. No. 37 (6), 2014. P. 1223–1243.

1990-х годов по институциональной комплементарности и национальным особенностям предпринимательства именно на примере Японии (в первую очередь статьи М. Аоки)³⁹. В XXI в. число сравнительных исследований капитализма в странах Азии заметно увеличилось, причем наблюдается очевидный интерес к специфике экономических отношений в Китае. Вместе с тем классифицировать их по полученным результатам весьма затруднительно, поскольку авторы приходят к разным (и нередко взаимоисключающим) выводам.

К *первой группе* исследований целесообразно отнести работы авторов, убежденных в гибридном характере капитализма «по-азиатски» — заимствовании рыночных институтов Запада с сохранением некоторых национальных черт. К примеру, многие считают японский капитализм (в особенности в сфере корпоративного управления и трудовых отношений) проявлением именно такой гибридной формы, причем происходит своеобразный институциональный взаимообмен: японские предприниматели не только перенимают эффективные практики, но и переносят элементы традиционной системы управления на зарубежные рынки⁴⁰. В книге М. Аоки, Г. Джексона и Х. Миядзимы приведен анализ деятельности свыше 700 японских компаний, которые авторы разделяют на три группы: около $\frac{1}{4}$ из них используют гибридную, $\frac{2}{5}$ — традиционную модель управления, а оставшаяся $\frac{1}{3}$ часть занимает промежуточное положение. Ученые приходят к выводу, что сравнительные конкурентные преимущества гибридных фирм существенно выше, равно как и финансовые результаты их функционирования. При этом они отмечают устойчивость японской гибридной модели управления и отсутствие свидетельств ее постепенной трансформации в классическую англосаксонскую модель⁴¹.

39. Aoki M. The Japanese firm as a system of attributes: a survey and research agenda. In: The Japanese firm: Sources of competitive strength. Oxford: Oxford University Press, 1994.

40. JapAnglo-Saxon capitalism // The Economist. November 29, 2007.

41. Aoki M., Jackson G., Miyajima H. (eds.) Corporate governance in Japan: Institutional change and organizational diversity. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Некоторые исследователи относят специфические экономические отношения в Китае тоже к гибридным, в особенности это касается специальных административных районов Гонконг и Макао. Так, китайский географ Г. Юнг в результате изучения хозяйственного уклада Гонконга и предпринимательских практик китайской диаспоры в Сингапуре делает вывод о существовании динамично развивающегося на этих территориях «китайского капитализма». Традиционная семейственность и клановость как характеристики ведения бизнеса под влиянием глобализации постепенно уступают адаптированным западным нормам и практикам, однако их полного растворения в универсальной институциональной среде, по его мнению, все же не произойдет⁴².

Вторая группа исследований компаративного капитализма в Азии связана с изучением роли государства в экономике, а также влияния на нее национальных управленческих элит. В фокусе исследователей капитализма с государственным участием чаще всего оказывается Китай⁴³. Идея о капиталистических отношениях, направление развития которых задается государством-регулятором (*state-guided capitalism*), отражена, в частности, в книге известного американского экономиста У. Баумоля, написанной в соавторстве с Р. Литаном и К. Шраммом⁴⁴. Помимо селективной политики государства, решающую роль могут играть действия влиятельных олигархических групп (*oligarchic capitalism*), крупных корпораций (*big-firm capitalism*) или небольших инновативных фирм (*entrepreneurial capitalism*). Характерно, что речь не идет о национальных моделях: в каждой из стран сосуществуют

42. *Yeung H.W.* Chinese Capitalism in a Global Era: Towards Hybrid Capitalism. London: Routledge, 2004.

43. Существование специфической «китайской» (или «пекинской») модели капитализма некоторыми исследователями ставится под сомнение, поскольку ее исключительность является спорной, а само продвижение этой идеи связано с созданием имиджа Китая как нового глобального экономического лидера (*Beware the Beijing model // The Economist. May 26, 2009*).

44. *Baumol W.J., Litan R.E., Schramm C.J.* Good capitalism, bad capitalism, and the economics of growth and prosperity. Yale University Press, 2007.

и активно взаимодействуют, как минимум, две из указанных форм капиталистических отношений⁴⁵.

Тема становления государственного капитализма в Китае давно вышла за пределы научно-исследовательской сферы и во все возрастающей степени становится предметом широкого обсуждения. Так, эксперты журнала *The Economist* в специальном докладе делают прогноз, согласно которому XXI в. станет противостоянием различных типов капитализма. Несмотря на то что отдельные элементы государственной селективной политики появились еще в период «холодной войны» (например, в Японии или Республике Корея), расцвет различных форм государственного капитализма (в Китае, РФ, Бразилии, ряде арабских стран и др.) приходится на начало XXI в. Авторы доклада отмечают, что, опираясь на рыночные практики, управленцам удалось создать большое число эффективных государственных компаний, имеющих глобальные сравнительные преимущества, в особенности в ресурсоемких отраслях экономики⁴⁶. К примеру, китайские компании, как правило, характеризуются вертикально-интегрированной структурой и сравнительно высоким уровнем производственной специализации, а также получают всемерную помощь государства в освоении и воспроизведении импортируемых технологий и ноу-хау. В числе основных вызовов государственного капитализма — высокие риски его перерождения в коррупционную систему олигархического обогащения и nepотизма.

Анализируя влияние государственных органов и частных предпринимателей на функционирование экономики, С. Чжан и Р. Уитли приходят к выводу о существовании в Азии четырех национальных типов капитализма — «государ-

45. Следует отметить, что У. Баумоль и его соавторы называют наиболее эффективным сочетание «капитализма больших фирм» и «предпринимательского капитализма».

46. Согласно оценке авторов доклада, свыше 2/3 компаний из списка *Fortune 500*, охватывающего ведущие предприятия формирующихся рынков, являются государственными. Кроме того, около 1/3 накопленного на этих рынках объема ПИИ в 2000-е годы также было вложено в развитие фирм под контролем государства (*The visible hand // The Economist*, January 21, 2012).

ственного», «совместно управляемого» (государством и бизнесом), «сетевому» и «персонализированному»⁴⁷. В свою очередь, исследование иерархических форм координации субъектов экономики в азиатских странах позволило Р. Карни выделить две альтернативные (по отношению к западным ЛРЭ и КРЭ) разновидности капитализма – «семейные» и «государственные» рыночные экономики⁴⁸.

Учитывая размер китайской экономики и ее внутреннюю социально-экономическую неоднородность, некоторые ученые, работы которых можно отнести к *третьей группе* исследований, указывают на формирование в КНР не общенациональной, а нескольких региональных моделей капитализма. Данную идею целесообразно связать с более общим трендом выделения субнациональных моделей капиталистических отношений, который можно назвать полимасштабным подходом в компаративном капитализме⁴⁹. В случае Китая сомнению подвергается возможность не критичной проекции характеристик западных ЛРЭ и КРЭ на китайскую экономику. Так, в работах канадских географов Ю. Чжана и Д. Пека указывается на ошибочность использования национальных моделей капитализма в странах с существенной пространственной гетерогенностью. Они утверждают, что в Китае существуют субнациональные (региональные) модели капитализма, обусловленные различной включенностью территориальных образований в глобальные производственные

47. Zhang X., Whitley R. Changing macro-structural varieties of East Asian capitalism // Socio-Economic Review. Vol. 11. No. 2, 2013. P. 301–336.

48. Carney R.W. Varieties of hierarchical capitalism: family and state market economies in East Asia // The Pacific Review. Vol. 29. No. 2, 2016. P. 137–163.

49. В основе подхода, который развивают преимущественно представители экономической географии и региональной экономики, лежит идея неоднородного / разнообразного капитализма (variegated capitalism) применительно к тем странам, где феномен неоднородности пространства проявляется в наибольшей мере. Таким образом, основным критерием выделения моделей капитализма в условиях интернационализации выступают не национальные институты, а функциональные характеристики глобальных производственных цепочек (Peck J., Theodore N. Variegated capitalism // Progress in human geography. Vol. 31. No. 6, 2007. P. 731–772).

цепочки, или в более общем виде — их местом в национальном и международном разделении труда⁵⁰.

Наконец, к *четвертой группе* исследований относятся работы, авторы которых доказывают необходимость поиска альтернативы VoC-подходу и описывают дивергентные разновидности капитализма в азиатских странах. К примеру, адаптация положений французской школы регулирования к современной азиатской специфике позволила выделить японскую, китайскую и корейскую разновидности капитализма⁵¹. Используя понятие бизнес-систем при анализе 13 азиатских экономик, М. Уитт и Г. Реддинг выстраивают довольно громоздкую их типологию (постсоциалистическая, развитая городская, японская, формирующаяся юго-восточная, развитая северо-восточная). Внимание акцентируется на том, что, за исключением Японии, ни одну из разновидностей капитализма в Азии невозможно соотнести с классическими ЛРЭ и КРЭ⁵².

Государства Африки и Южной Америки привлекают внимание исследователей компаративного капитализма как объект качественного или количественного анализа достаточно редко. Отчасти это связано с незавидным местом большинства из них на современном этапе развития мирового хозяйства, незрелостью формальных институтов и дефицитом сведений о неформальных нормах функционирования их экономик. Однако некоторые публикации сыграли заметную роль в развитии представлений о капитализме формирующихся рынков. Речь идет об исследованиях иерархических рыночных экономик (ИРЭ).

-
50. Zhang J., Peck J. Variegated Capitalism, Chinese Style: Regional Models, Multi-scalar Constructions // *Regional Studies*. Vol. 50. No. 1, 2016. P. 52–78; Peck J., Zhang J. A variety of capitalism... with Chinese characteristics? // *Journal of Economic Geography*. Vol. 13. No. 3. 2013. P. 357–396.
51. Boyer R., Uemura H., Isogai A. (eds.) *Diversity and Transformations of Asian Capitalisms*. Abingdon: Routledge, 2012.
52. Witt M.A., Redding G. Asian Business Systems: Institutional Comparison, Clusters and Implications for Varieties of Capitalism and Business Systems Theory // *Socio-Economic Review*. Vol. 11. No. 2. 2013. P. 265–300.

Изучение капиталистических отношений в Африке базируется как на терминологии бизнес-систем Р. Уитли, так и на положениях VoC-подхода. В первом случае следует отметить работу Д. Вуда и Е. Фринаса о внутренне неоднородной сегментированной бизнес-системе (*segmented business system*) в странах Восточной Африки, которая приводит к экономической отсталости и перераспределению ресурсов в пользу элит⁵³. Во втором случае интерес вызывает статья Н. Натрасс, в которой развитие рыночных институтов в ЮАР описывается в рамках дихотомии ЛРЭ и КРЭ⁵⁴.

Капитализм в Латинской Америке, по мнению американского политолога Б. Р. Шнайдера, представлен в форме иерархических рыночных экономик: нерыночные иерархические связи доминируют в предпринимательской среде (в том числе и в организационной структуре ТНК) и определяют характер трудовых отношений. Подобные ИРЭ существуют только в этом макрорегионе и имеют такие особенности, как: распространение диверсифицированных частных корпораций, как правило, под контролем одной семьи (*grupo eson mico*); присутствие подразделений ТНК; низкая квалификация рабочей силы; наличие сегментированных рынков труда (как результат слабости профсоюзов и других формальных объединений занятых). Таким образом, Латинская Америка представляет собой пример институциональной комплементарности с отрицательными последствиями для развития экономики⁵⁵.

Одновременно в 2010-х годов исследования начались в рамках сравнительного анализа экономических систем десятков стран, различающихся не только по территориальной принадлежности, но и по степени зрелости капита-

53. Wood G., Frynas J.G. The Institutional Basis of Economic Failure: Anatomy of the Segmented Business System // *Socio-Economic Review*. Vol. 4. No. 2. 2006. P. 239–277.

54. Natrass N. A South African Variety of Capitalism? // *New Political Economy*. Vol. 19. No. 1. 2014. P. 56–78.

55. Schneider B.R. Hierarchical Market Economies and Varieties of Capitalism in Latin America // *Journal of Latin American Studies*. Vol. 41. 2009. P. 553–575; Schneider B.R. *Hierarchical Capitalism in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

листических отношений. В 2017 г. международная группа ученых (в ее состав входили М. Уитт и Д. Боле) опубликовала эконометрическое исследование о разновидностях капитализма на примере 61 ведущей экономики мира (авторы отмечают, что суммарный ВВП выборки приближается к 94% от общемирового)⁵⁶. Основываясь на принципах выделения бизнес-систем Р. Уитли, они расширяют перечень индикаторов до двух десятков: от типа государственного управления и преобладающих форм собственности до уровня грамотности населения и особенностей профсоюзных движений в разных странах. При этом авторы допускают увеличение числа важных для проведения типологии факторов, в частности культурных. Результаты расчетов позволили им сделать вывод о сосуществовании девяти видов экономических систем⁵⁷.

Исследователи подтверждают жизнеспособность классических разновидностей капитализма: приводимый ими перечень либеральных и координируемых рыночных экономик почти в точности соответствует списку ЛРЭ и КРЭ, обозначенных пятнадцатью годами ранее П. Холлом и Д. Соскисом. Исключение составляет Япония, для обособления которой были выделены «экономики с высоким уровнем координации». Самой многочисленной и поэтому наименее гомогенной группой (свыше 20 государств) стали «формирующиеся экономики»: в ней соседствуют такие разные по хозяйственному укладу страны, как Россия, Бангладеш, Алжир, Нигерия, Перу и Китай. По мнению авторов, более высокие показатели ВВП на душу населения явились ключевым фактором образования

56. Witt M.A., Kabbach de Castro L.R., Amaeshi K., Mabroum S., Bohle D., Saez L. Mapping the business systems of 61 major economies: a taxonomy and implications for varieties of capitalism and business systems research // *Socio-Economic Review*. Vol. 16. No. 1. 2017. P. 5–38.

57. Для расчетов использовались данные ЮНКТАД, Всемирного банка (показатели легкости ведения бизнеса из доклада «Ведение бизнеса» – *Doing Business Report*), индикаторы качества государственного управления (*Worldwide Governance Indicators*), ООН («Отчет о развитии человечества» – *Human Development Report*), Международной конфедерации профсоюзов. С целью учета влияния качественных признаков в модель включались фиктивные переменные. В качестве метода иерархического кластерного анализа был выбран метод невзвешенного попарного среднего, в результате чего была получена дендрограмма кластеров экономических систем.

группы «развитых формирующихся экономик», состав которой тоже неоспорен (Чили, ЮАР, Израиль, Тайвань и др.).

Постсоциалистические государства ЦВЕ и ЮВЕ и страны Южной Европы авторы отнесли к одному и тому же виду хозяйственных систем – «европейским периферийным экономикам». Наконец, страны, не укладывавшиеся ни в один из вышеперечисленных форматов, были распределены по трем группам – «социалистические экономики» (Куба, Венесуэла), «развитые городские экономики» (Гонконг, Сингапур) и «арабские нефтяные экономики» (ОАЭ, Саудовская Аравия и др.).

Основываясь на проведенной типологии, ученые пришли к выводу о неприменимости к большинству стран дихотомии VoC-подхода, а также об отсутствии предпосылок к выделению в качестве хозяйственной системы государственного капитализма, поскольку экономики с соответствующими характеристиками оказались распределены по многим группам.

Учитывая географический охват выборки, выдвинутая авторами типологии задача выявления общностей и объединения стран в экономические системы не представляется тривиальной. Тем не менее даже оставив в стороне вопрос о составе групп, следует обратить внимание на весьма спорное использование для одной типологии различных типологических признаков – институциональных (ЛРЭ и КРЭ), этнических («арабские экономики»), структурно-организационных («городские экономики»), центр-периферийных отношений («европейские периферийные экономики»).

Методологический и понятийный аппарат компаративного капитализма находится на этапе становления. Его отличает определенная гибкость в трактовке причинно-следственных связей формирования национальных моделей капиталистических отношений и разработке принципов их типологизации. Разработанная для развитых стран бинарная теория со временем претерпела ряд модификаций, таких как, например, обоснование существования «смешанного» типа капитализма. Тем не менее вопрос о возможности проецировать ее положения на государства с формирующимися

рынками остается открытым и является предметом широкой дискуссии.

Важной особенностью современного этапа развития теории компаративного капитализма является смещение фокуса исследования с экономически развитых стран на государства мирохозяйственной полупериферии и периферии. Разнообразие принципов типологизации капиталистических отношений в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками позволяет сделать вывод о том, что спор сторонников универсализма и уникализма в исследовании моделей капитализма пока далек от завершения.